

В.А. Кожевников

**Буддизм в сравнении с христианством. Часть
1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Б11

Б.А. Кожевников

Б11 Буддизм в сравнении с христианством. часть 1 / В.А. Кожевников – М.: Книга по Требованию, 2024. – 643 с.

ISBN 978-5-458-24676-7

Кожевников Владимир Александрович (1852-1917), русский историк культуры, публицист. В 1868-1873 был вольнослушателем Московского университета. В 1875 г. в библиотеке Румянцевского музея Кожевников познакомился с Н. Ф. Федоровым и стал его последователем. В течение 14 лет (с 1880) изучал историю культуры и философию в крупнейших библиотеках Европы. Коллекционировал редкие книги, впоследствии завещал свою библиотеку (8 тыс. т.) Румянцевскому музею. В конце 1900-х годов Кожевников сближается с группой московских богословов и религиозных философов. Итогом религиозно-философских изысканий Кожевникова стала книга "Буддизм в сравнении с христианством", в основу которой были положены публичные лекции, читанные автором в Медведниковской гимназии в Москве и в соработниках "Кружка ищущих христианского просвещения" в 1908-1909 гг. Они были направлены, в первую очередь, против тех направлений в европейской религиозной мысли, которые начали оказывать влияние и на умы в России апологией буддизма, пытаясь поставить под вопрос и прямо принизить уникальность христианской религии. Кожевников полемизирует с леворадикальной библейской критикой фон Бунзена, автора «Евангелия Иисуса в его отношениях к сказаниям о Будде и учению Будды» (1882) Зейделя, Эдмунда и других. Лекциям предшествовало углубленное изучение автором биографий Будды и сравнительно-религиоведческой литературы тех лет.

ISBN 978-5-458-24676-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая работа выросла изъ ряда лекцій, читанныхъ въ Москвѣ, въ 1908—9 г.г., сначала—на собранихъ «Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія», а затѣмъ—на публичныхъ чтеніяхъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницъ женскихъ курсовъ, въ залѣ Медвѣдниковской Гимназіи. Приступая къ исполненію высказаннаго иѣкоторыми лицами желанія видѣть эти лекціи напечатанными, я первоначально намѣревался ограничиться лишь небольшими добавленіями къnimъ, преимущественно библіографическаго свойства. Но, по мѣрѣ углубленія въ работу, выяснилась необходимость расширенія ся въ двухъ направлѣніяхъ, а именно: во-1), разсмотрѣніемъ связи между характеромъ, жизнью и дѣятельностью Будды и общими условіями предшествующей и современной ему индусской культуры, а во-2), включеніемъ въ изложеніе возможно большаго количества данныхъ, почерпнутыхъ непосредственно изъ столь обширои, но еще столь мало извѣстной и трудно доступной буддійской словесности. То и другое предписывалось и характеромъ работы по существу, и иѣкоторыми соображеніями сторонняго свойства. Какъ ни велики для изслѣдователя исторіи и ученія буддизма трудности одолѣнія огромнаго предлежащаго матеріала, онѣ все же, думается, уступаютъ первенство иной трудности, усвоенію того своеобразнаго духовнаго настроенія, которое вызвало буддизмъ и опредѣлило его направленіе и судьбу. Настроеніе это настолько отлично отъ преобладающаго европейскаго міро- и жизневоззрѣнія и даже противоположно ему; всѣ идеи, съ которыми приходится здѣсь разбираться, всѣ способы разсужденія и выводы изъ нихъ, всѣ предположенія и предрасположенія въ области мысли и чувства настолько не схожи съ обычными намъ, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ

Уорена по этому поводу: «пока остаешься въ области этого міровоззрѣнія и жизнепониманія, чувствуешь себя непрерывно какъ бы блуждающимъ въ какой-то фантастической, зачарованной странѣ». Недостаточно уяснить себѣ происхожденіе своеобразностей буддизма: надо, насколько для иноземца возможно, сблизиться съ ними путемъ частаго и долгаго общенія, чтобы, хотя до нѣкоторой степени, сродниться съ ними и въ такомъ конгніціальномъ воспріятіи и сліяніи получить разгадку ихъ вычурной на видъ, но едва постижимой тайны.

Въ этомъ-то смыслѣ и представлялось необходимымъ вышеупомянутое, двойное расширеніе и углубленіе избранной темы изслѣдованія: изложеніе жизни и дѣятельности Будды потребовало выполненія на фонѣ общеиндусской культуры, ибо только такимъ образомъ можно было выяснить происхожденіе буддизма и опредѣлить, въ какой мѣрѣ онъ является твореніемъ личной геніальности своего основателя, и въ какой—слѣдствіемъ совокупности предшествовавшихъ ему или окружавшихъ его условій; включеніе же въ работу обильныхъ текстовъ изъ первоисточниковъ оказывалось необходимымъ для того, чтобы, при посредствѣ ихъ, можно было свыкнуться съ самою атмосферою буддійскаго міровоззрѣнія и жизнепониманія, освоиться и сжиться съ нею гораздо ближе и интимнѣе, чѣмъ это возможно при замѣнѣ свидѣтельства самихъ памятниковъ далекихъ вѣковъ пересказомъ ихъ въ современномъ духѣ и современною намъ рѣчью.

Выполненіе этого условія работы должно казаться русскому разслѣдователю буддизма тѣмъ необходимѣе, что, за исключеніемъ знатоковъ-оріенталистовъ, большинству русской читающей публики, несмотря на замѣчающійся въ ней интересъ къ буддизму, произведенія буддійской словесности остаются трудно доступными или совсѣмъ недоступными, за неимѣніемъ въ русскихъ изданіяхъ такихъ сборниковъ буддійскихъ текстовъ, какъ Warren, *Buddhism in translations*, Seidenstücker, *Pâli-Buddhismus* или Dutoit, *Leben Buddha's*, а наши общедоступныя сочиненія о буддизмѣ, за очень немногими исключеніями¹), обнаруживаютъ далеко недостаточное знакомство

¹) Даже солидному труду проф. А. И. Введенского, *Религіозное сознаніе язычества*. Т. I, въ отдѣлѣ о буддизмѣ можно было бы пожелать, отъѣ детальнаго обращенія къ первоисточникамъ. Что касается статей „Христіанская религія и буддизмъ“ (Міссионерск. Обозр. 1911 г.), то при составленіи ихъ авторъ нашелъ возможнымъ обойтись даже безъ

сь первоисточниками какъ ученія буддизма, такъ и его исто-
ріи. Между тѣмъ обиліе появляющихся за послѣднее время
популярио-изложенныхъ книгъ, въ которыхъ, какъ, напри-
мѣръ, въ касающихся необуддизма и теософіи, идеи и тен-
денціи первоначального буддизма нерѣдко передаются въ очень
неточномъ, а иногда и въ совсѣмъ превратномъ видѣ, со-
здастъ для читателей, незнакомыхъ съ памятниками буддій-
ской словесности, серіозную опасность получить искаженіе
понятіе о подлинномъ буддизмѣ,—обстоятельство тѣмъ болѣе
важное, что увлеченіе необуддизмомъ и въ особенности тео-
софіей, во многомъ соприкасающеся съ буддизмомъ, начинаетъ
получать у часть, по примѣру Запада, уже и не малое прак-
тическое, жизненное значеніе. Вотъ почему лѣть, въ связи съ
изложеніемъ жизни и дѣятельности Будды, обильныя выдержки
непосредственно изъ обширной сокровищницы буддійской сло-
весности представлялось автору не безполезной и своевремен-
ной задачей, и главнымъ образомъ ради заполненія этого
проблемы въ русской литературѣ о буддизмѣ, онъ и рѣшился
на самостоятельную попытку дать обзоръ жизни и дѣятель-
ности Будды послѣ образцовой по научной основательности и
классической по содержательной сжатости изложенія книги
Ольденберга и еще болѣе краткихъ, но знатоками предмета
написанныхъ очерковъ Рисъ-Дэвидса и Нишеля.

Добавочнымъ побужденіемъ къ моей работе было желаніе
противодѣйствовать вышеуказаннымъ, объективнымъ способомъ
тѣмъ грубо ошибочнымъ представлѣніямъ о сходствѣ буддизма
съ христіанствомъ и о вліяніи первого на второе, которыя
находятъ такое широкое и нерѣдко сочувственное распростране-
ніе, благодаря массѣ непрерывно умножающихся книгъ и
книженокъ на эту «шакантную» тему. Послѣ обильныхъ апо-
логетическихъ произведеній, имъ противопоставляемыхъ, мнѣ
казалось все же, что наилучшимъ опроверженіемъ относя-
щихся сюда недоумѣній и заблужденій можетъ быть не столько
вновь и вновь повторяемое разъясненіе хорошо известныхъ
идей и тенденцій христіанства, сколько точное, на первоисточ-
никахъ основанное ознакомленіе съ буддизмомъ въ его по-
длинныхъ чертахъ, непринаряженыхъ и неподмалеванныхъ

собраній рѣчей Будды, изданныхъ въ переводахъ Рисъ-Дэвидсомъ,
Нейманномъ и другими. Очень старателльную попытку широкаго исполь-
зованія памятниковъ буддійской словесности должно привѣтствовать въ
лицѣ книги Д. В. Горохова. Буддизмъ и Христіанство. Кіевъ 1914.

необуддійскою и иною пропагандою. Вотъ почему свое сравненіе буддизма съ христіанствомъ я, насколько умѣлъ, старался проводить не путемъ сопоставленія мелкихъ деталей и не полемическимъ обличеніемъ буддизма, а путемъ разоблаченія его существенныхъ основъ, тенденцій и цѣлей, настолько противоположныхъ христіанскимъ, что послѣ освоенія съ ними вопросъ о мелкихъ аналогіяхъ и случайныхъ, самобытно возникавшихъ совпаденіяхъ въ иѣкоторыхъ частностяхъ, представляется уже лишеннымъ значенія. Къ сожалѣнію, це всѣдѣ оказалось возможнымъ ввести въ описаніе жизни Будды и санги иѣкоторые, относящіеся къ данному вопросу параллельные экскурсы въ область христіапской церковной исторіи; иѣкоторые обзоры этого рода (напримѣръ: христіанской монашеской организаціи, христіанской аскетики сравнительно съ буддійскою, отношеній Церкви къ мірянамъ и женщинѣ) пришлось, по причинѣ ихъ объема, отнести въ отдѣлъ приложений къ III-й части.

Первые два тома моей работы обнимаютъ собою обзоръ матеріаловъ, положенныхъ въ ея основу, а затѣмъ жизнь и легенду Будды и очеркъ организаціи, быта и духовной жизни созданной имъ общины. Если въ ходѣ изложенія я позволилъ себѣ слить описаніе жизни Будды съ описаніемъ санги, то сдѣлалъ это въ силу неразрывной связи творенія Будды, его общины, съ судьбою ея творца, и потому, что безъ разсмотрѣнія этого видимаго, конкретнаго созданія Будды изученіе и самой его жизни лишилось бы своего главнаго содеряжанія и интереса. Въ отличіе отъ преобладающаго у многихъ писателей о буддизмѣ пренебрежительнаго отношенія къ легендарной сторонѣ жизнеописаній Будды, я счелъ нужнымъ подвергнуть ее тщательному разсмотрѣнію, въ виду того, что для исторической судьбы буддизма и его трансформацій изъ атеистической нравственной доктрины въ религіозную систему легендарныя сказанія и представленія о Буддѣ имѣли ничуть не менѣе, а, вѣрнѣе, даже болѣе важное значеніе, нежели крайне скучныя историческія данныя о его личности и жизни. Насколько реальныя черты важны для опредѣленія буддизма, каковъ онъ *былъ* первоначально, настолько же легендарныя черты важны для уясненія его дальнѣйшей эволюціи, для того, чтобы понять какимъ, и почему такимъ, онъ *сталъ* впослѣдствіи. Особенное вниманіе старался я обратить на исторію возникновенія и развитія буддійской общины и ея вѣнчаній

и внутренней организації, такъ какъ въ литературѣ о буддизмѣ, даже и западной, эта сторона его до сихъ поръ оставалась сравнительно мало разработанною.

Что касается ученія Будды, то генезисъ, развитіе и анализъ его, такъ же, какъ и сравненіе его основныхъ началъ и тенденцій съ христіанскими, составить содержаніе третьей и послѣдней части моего труда, подготавляемой къ печати. Если же дожидаюсь ея окончанія, я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ два первыхъ тома своей работы, то дѣлаю это отчасти во внимаіе къ своему возрасту и состоянію здоровья, отчасти же и потому, что издаваемое сейчасъ, по плану и содержанію, представляеться, думается, достаточно законченное, самостоятельное цѣлое, причемъ однако я просилъ бы имѣть въ виду, что встречающееся въ двухъ первыхъ частяхъ попутно съ жизнеописаніемъ Будды изложеніе нѣкоторыхъ сторонъ его ученія носить, въ соотвѣтствіи съ планомъ работы, характеръ изложенія, не исчерпывающаго темы, а лишь предварительного и эпизодического.

Мнѣ остается повиниться предъ моими читателями въ тѣхъ недостаткахъ и ошибкахъ, къ которымъ невольно могло приводить незнаніе мною палійскаго языка ¹⁾). Какъ ни велико въ настоящее время количество буддійскихъ текстовъ, переведенныхъ на европейскіе языки, и какими бы мастерами дѣла ни были выполнены эти переводы, имъ все же не замѣнить, конечно, достоинства подлинниковъ. Извѣстны трудности точной передачи обозначенія цѣлаго ряда буддійскихъ понятій, нерѣдко совсѣмъ неподдающихся рессурсамъ европейской терминологіи; извѣстны и широкія расхожденія даже лучшихъ ориенталистовъ въ истолкованіи такихъ терминовъ. Въ полной мѣрѣ ясна, слѣдовательно, для меня отвѣтственность изслѣдователя, лишенаго возможности пропроверить детали своей работы непосредственно по подлиннымъ текстамъ. Если тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ колебаній, я все же рѣшился издать свой трудъ, то лишь потому, что обиліе другихъ книгъ, возникшихъ при сходныхъ и даже худшихъ условіяхъ, размножило ошибочныя свѣдѣнія и ложныя представленія о буддізмѣ до такой степени, что противопоставить имъ обзоръ жизни и дѣятельности Будды на основаніи возможно болѣе

¹⁾ Опечатки и ошибки въ транскрипціи санскритскихъ и палійскихъ словъ прошу исправить по указателямъ, приложеннымъ къ книгѣ.

полнаго подбора и старательнаго использованія первоисточниковъ, хотя бы и не въ оригиналѣ, представлялось задачею не безполезною и своевременною, впредь до того момента, когда какъ это было бы желательно, за ту же тему взялся бы кто-либо изъ вполнѣ компетентныхъ въ области буддійской словесности нашихъ почтенныхъ ученыхъ оріенталистовъ.

Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ *).

I.

Значеніе сравнительного изученія религій вообще и въ примѣненіи къ христіанству.

ПРОГРЕССУ историко-критического пониманія религій во второй половинѣ XIX вѣка, несомнѣнно, въ значительной степени содѣйствовало сравнительное изученіе религій. Позднѣе развитіе этой области знанія объясняется сложностью необходиомой, предшествующей ей, подготовки. Собирание, детальное изученіе и критическая обработка огромнаго, разнообразнѣйшаго лингвистического, археологического и этнографического матеріала потребовали долгаго времени и напряженнаго труда прежде, чѣмъ началася слагаться та новая отрасль знанія, которая получила на Западѣ назва-

*) Предлагаемыя статьи составляютъ рядъ лекцій, читанныхъ сокращенно, въ Москвѣ, въ 1908—9 гг.. сначала—на собранинъ „Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“, а затѣмъ — на публичныхъ чтеніяхъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницъ женскихъ курсовъ въ залѣ Медведниковской гимназіи. Стагоисонный приемъ, оказанный этимъ чтеніямъ, побуждаетъ сохранить въ существенныхъ чертахъ, и въ настоящихъ статьяхъ планъ и первоначальную форму изложеія; присоединяется же подстрочная примѣчанія и даютъ главнымъ образомъ цѣлью ознакомить лицъ, позанимавшихся специальнымъ изученіемъ буддизма, съ его не легко доступными источниками и библиографіей. Отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту, я полагаю, однако, что указанія на важнѣшіе матеріалы и критические труды даны въ степени, достаточной для обозначеній цѣли.

В. А. КОЖЕВНИКОВЪ.

ніє сравнительной науки о религіяхъ и которую, примѣняясь къ духу русского народного пониманія, я позволю себѣ называть сравнительнымъ вѣровѣдѣніемъ.

Но если велики были труды, велика оказалась и ичъ награда. Только этимъ путемъ могли быть исправлены преобладавшія до тѣхъ поръ произвольныя и поверхностныя точки зрењія на религію: отвлеченно-действическая и тенденціозно-рационалистическая. Дейзмъ, умозрительно, безъ спровокъ съ дѣйствительностью и съ исторіей, строившій на поверхностныхъ нравственныхъ соображеніяхъ свою узкую, безжизненную схему будто бы «естественнѣй» религіи и огульно относившій все, невмѣшавшееся въ его формулу, къ сувѣріямъ, искаженіямъ или расчетамъ заинтересованныхъ лицъ.—дизмъ, уже и раньше обличенный Юмомъ съ философской стороны и Гердеромъ—съ исторической. Пшился окончательно почвы при сопркосновеніи съ точными данными сравнительного вѣровѣдѣнія. Предполагаемая первоначальная «естественнѣй» религія оказалась совершенно неестественной гипотезой предубѣждениыхъ умовъ новѣишихъ временъ, а большая часть того, что выдавалось за выдумку, искаженіе или злоупотребленіе, предстало въ видѣ естественныхъ, а иногда и единственныхъ исторически-возможныхъ отвѣтовъ на дѣйствительныя потребности соответствующеніи поры развитія человѣчества.

Съ другой стороны, тѣмъ же путемъ, безъ полемического задора, опровергаемый одними фактами исторического опыта, падъ длинный рядъ тенденціозныхъ предубѣжденій рационализма относительно религіи. Развитіе вѣрованій, ученія и устройства церкви, культа и религіозной нравственности оказались далеко не такими простыми и стройными, какимъ ихъ изображали въ систематическомъ построеніи философскихъ умовъ. Явленія эти пришлось изучать не по заранѣе предначертанной, отвлечепной и тенденціозной схемѣ, а реально, шагъ за шагомъ, наблюдательнымъ и сравнительнымъ историческимъ методомъ.

Отъ этихъ новыхъ научныхъ пріемовъ изслѣдованія общее пониманіе и оцѣнка религіи значительно выиграли. Съ непрекаемою убѣдительностью выяснилась прежде всего повсемѣстная и неуничтожимая *психологическая* потребность въ религіозномъ началѣ. И этимъ всемирно засвидѣтельствованнымъ фактомъ установилась *самобытность и первоначальность* тѣхъ духовныхъ запросовъ, которые составляютъ жизненный

иервъ всѣхъ религій; установилась, иными словами, *независимость* пхъ происхождения отъ философіи и науки съ одной стороны и отъ чистой этики—съ другой. Обнаружилось, что религія не есть выводъ, не есть постулатъ научнаго знанія или нравственности, не есть и замѣпа (суррогатъ) или подмѣна (фальсфикатъ) ихъ, а что она—своеобразная, самобытная, цѣлостная, самодовлѣющая сторона человѣческаго духа. Очевидно стало, что она обнимаетъ собою, конечно, высшіе вопросы и знанія, и нравственности, но не исчерпывающъ пми *одними* своего содержанія, въ которомъ все это—лишь части болѣе емкаго цѣлага. Цѣлое же, съ своей самобытной точки зренія, изъясняетъ и обнимаетъ всѣ стороны человѣка. міра и жизни въ самомъ величавомъ пзъ обобщеній, а именно: не въ механическомъ только сопоставленіи, а въ *органическомъ* объединеніи понятій, ощущеній и (что особенно важно!) активныхъ переживаній начала Божественнаго.

Такимъ образомъ совершило невозможнымъ стало *научно* поддерживать любимыя мысли «просвѣщенія» XVIII вѣка и воинствующаго невѣрія XIX-го, будто религія есть личное созданіе отдѣльныхъ мудрецовъ, либо кастовое—жрецовъ, и что своимъ успѣхомъ она обязана съ одной стороны—невѣжству, а съ другой — его эксплоатациіи политическимъ или инымъ разсчетомъ. Выяснилось, наоборотъ, воспитательно-образовательное и нравственно-благораживающее значеніе всѣхъ тѣхъ религій, что могутъ быть названы всемирно-историческими. Сравненіе же ихъ съ другими, только мѣстными, узко-национальными или мелко-партийными, сектантскими обличчію пристрастность пріема, еще и теперь нерѣдкаго въ противорелигіозной полемикѣ: ставить достоинство всѣхъ религій въ идейномъ и нравственномъ отношеніяхъ приблизительно на одинъ и тотъ же уровень.

Выяснилась, наконецъ, способность религіознаго начала къ росту и видоизмѣненію повсюду, но въ предѣлахъ очень различныхъ, смотря по свойствамъ каждой религіи. И это сравненіе духовнаго богатства отдѣльныхъ религій и ихъ способности развиваться и соответствовать росту цивилизациіи привело къ новой, ужѣ *общекультурной* переоценкѣ значенія религій примѣнительно не къ одному прошлому, но и къ настоящему и будущему. Религія, разсматривавшаяся раньше вѣрующими какъ сплошное, всецѣло сверхъсущественное явленіе въ еврействѣ и христианствѣ, и какъ почти сплошное за-

блуждение въ остальныхъ случаяхъ, а невѣрующими — какъ явленіе вообще отрицательного или лишь временно-терпимаго свойства, — религія, не утрачивая, въ смыслѣ Божественнаго Откровенія, своего исключительного значенія, получила отныне новую оценку и въ общемъ культурно-историческомъ процессѣ, какъ необходимая его часть и даже какъ его величайшая, умственно-просвѣтительная и правственно-воспитательная сила.

И еще разъ, лицомъ къ лицу съ этимъ свидѣтельствомъ племенъ и вѣковъ, для ума дѣйствительно просвѣщенаго и непредубѣжденаго стало невозможнымъ, безъ риска быть исторически-отсталымъ въ суждениі, говорить въ наши дни о религіи, какъ о чёмъ-то призрачномъ, лишенномъ реальнаго содержанія, или какъ объ отжившемъ, либо обреченномъ на близкую смерть. «Сумерки боговъ», такъ давно уже возвѣщенные тусклымъ «просвѣщеніемъ» односторонняго рационализма и приземистаго материализма, «сумерки боговъ» для душъ вдумчивыхъ, «горѣ ичѣюшихъ сердца», — не переходъ въ ночь отчаянія, въ испроглядную тьму невѣрія! Это только предразсвѣтныя полуутѣши, это лишь сквозистые утренніе туманы умовъ и сердецъ, жаждущихъ свѣта, пробивающихся пзъ цебреи сомнѣній на просторъ, къ ясной зарѣ незакатнаго солнца истины и правды!..

Результаты сравнительного изученія религій оказались *общемѣг* выводѣ благопріятными для христіанства. Именно благодаря ближайшему ознакомлению съ другими вѣровашіями, особенно ярко выяснилась и цѣнность христіанства по существу, и величие его исторической задачи, и его огромныя культурныя заслуги, настолько, что, по замѣчанію очень свободомыслящаго знатока сравнительного вѣровѣданія Гаппеля, выстѣй похвалой для не-христіанскихъ религій остается ихъ совпаденіе въ чемъ-либо съ христіанствомъ¹). Если въ индусскихъ Ведахъ и Упанишадахъ, въ египетской «Книгѣ Мертвыхъ», въ ассирио-аввилонскихъ гимнахъ и миоахъ, въ парсійской Авестѣ и буддійской Трипитакѣ мы, среди человѣческаго и даже (вспоминая бойкое слово Ницше) среди «слишкомъ ужъ человѣческаго», научились различать вѣяніе божественнаго, — то, рядомъ съ этимъ полуусвѣтомъ, съ этою полуутѣшию, полууденное сіяніе «Свѣта Тихаго», Евангелія Спасителя міра разливается еще ярче, еще шире, еще теплѣе и живопоспѣше.

¹) Hapfel. *Das Christenthum und die heutige vergleichende Religionswissenschaft.* Leipzig, 1882. 23.